

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 2 (48) 2014

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 15.03.14
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.
Объем: 8,5 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Заказ 712.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.
454084, г.Челябинск,
Комсомольский проспект, 2.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНЦЕПТ «ОБЩЕНИЕ» В ПОЭЗИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Е. В. Михайлова

Концепт «общение» – один из наиболее важных и многогранных концептов поэзии М. И. Цветаевой. В ее богатейшей концептосфере он является как бы связующим звеном между различными темами, поэтому он отражает специфику ее поэтического мира. Поэзия М. И. Цветаевой может быть охарактеризована как песенная; значительное влияние на ее ритмику и фонетику оказала русская народная песня. Эти факторы, а также некоторые обстоятельства личной жизни поэтессы повлияли на то, что концепт «общение» воплотился в рассмотренных поэтических произведениях широко и многопланово.

Ключевые слова: концепт «общение», поэзия, М. И. Цветаева, стихотворение, поэма, обращение.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – выдающаяся русская поэтесса, создавшая уникальный и неповторимый художественный мир: «Благодаря своему искусству Цветаева создала собственный мир, мир, в котором она могла подняться над обычными людьми, обычной жизнью, обычной любовью» [7. С. 11]. Очень интересными и малоисследованными являются вопросы о взаимоотношениях и общении поэтессы с окружающими ее людьми, а также об отражении этого общения в ее произведениях: «Главное в жизни Марины Ивановны было творчество, стихи, но стихи рождались от столкновения ее с людьми, а людей этих и отношения с людьми она *творила*, как стихи, за что жизнь ей жестоко мстила...» [1. С. 10].

Концепт «общение» – один из наиболее важных и многогранных концептов поэзии М. И. Цветаевой. В ее богатейшей концептосфере он является как бы связующим звеном между различными темами, поэтому он отражает специфику ее поэтического мира.

А. А. Саакянц так охарактеризовала отношения М. И. Цветаевой с другими людьми: «Стихи ее могут создать ложное впечатле-

ние сугубой уединенности поэта, одиночества не только внутреннего, но и внешнего, житейского. Однако именно в житейском отношении Цветаева еще с самой юности была окружена множеством людей и, с юности тяготясь одиночеством, бежала от него, стремясь к общению. ... **“одиноким дух” Цветаевой жив был интенсивным общением (личным и заочным) – и без него просто бы погиб.** Марина Ивановна могла жаловаться на **“совместность”**, тяготиться ею, но притом постоянно тянулась к людям, увлекалась, разочаровывалась, восхищалась, негодовала, страдала, обвиняла, вставала на защиту... Эту ее *двоакость* нужно всегда помнить – только тогда личность поэта станет более или менее понятной» [6. С. 132–133], «Одиночество вовсе не было ее образом жизни, а исключительно внутренним состоянием, непостижимым образом уживающимся с почти непрерывным общением. Одиночество было насущной потребностью ее души – и одновременно преследующим кошмаром, от которого она бежала» [6. С. 520]. М. И. Цветаева общалась с огромным количеством людей, большей частью творческих личностей; в некоторых влюблялась, увлекались ею, завязывались реальные отношения или переписка (иногда это были люди, с которыми она никогда не встречалась). А. А. Бобров указывал: «...Цветаева так или иначе была замечена, увлечена, воспета, не понята и прославлена почти всеми поэтами Серебряного века, с кем сводила ее прихотливая и тяжелая судьба» [2. С. 264]. Такой характер поэтессы отразился и на ее семейной жизни. Н. Щербак писала об отношениях М. И. Цветаевой с К. Б. Родзевичем, другом ее мужа, С. Я. Эфрона: «В Чехии она пережила страстную и мучительную любовь к другу Сергея, Константину Родзевичу» [11. С. 61]; о романах поэтессы: «Она смогла отойти от Родзевича, но отношения с Сергеем никогда уже не стали прежними... У Цветаевой были и другие романы, больше, правда, в мечтах и письмах. Она просто не могла жить, не заполняя душу кумирами и восхищением. Когда этот источник иссякал, пропадало и ее творчество, а значит, и жизнь покидала ее, ибо для Цветаевой земное бытие было невозможно без поэзии» [11. С. 63].

Общение не приносило М. И. Цветаевой удовлетворения и радости. В. А. Маслова выразила следующее мнение по данному поводу: «Увлечений у Марины было много, но все они оказывались с изьянами, а отсюда – обиды, разминовения, разочарования, пото-

му что она требовала от простых, довольно приземленных людей недостижимой для них высоты поступков» [4. С. 107]. Она считает: «Можно говорить о фантастичности многих ее влюбленностей. Такой была влюбленность в **Александра Блока**, хотя видела она поэта лишь издали и не общалась с ним ни разу» [3. С. 168]. В. А. Швейцер считает, что поэтесса создала свой образ А.А. Блока: «И она славит Блока в молитвенном преклонении и в полной отрешенности от его земного человеческого облика. Ассоциации с блоковской лирикой пробиваются в некоторых образах Цветаевой, но не это для нее важно. Она пишет своего Блока» [9. С. 232]. М. И. Цветаева стремилась не к обычному общению: «Главное для нее в общении с другими людьми – это потребность не в поверхностно-бытовом, а в сокровенно-душевном общении» [3. С. 173]. Вероятнее всего, ни один из людей, с которыми общалась поэтесса, не ушел из ее «возможного мира» без следа: «Всех своих адресатов М. Цветаева помещала в своем сердце, в своей душе: “А любить я умела – как никто, и никто об этом не узнал!”» [3. С. 199], и это нашло отражение в ее творчестве.

В связи с такой особенностью личных взаимоотношений поэтессы находится и ее поэтический язык; он содержит признаки диалогичности – отсылки к каким-либо элементам творчества других авторов, использование тем и сюжетов их произведений и т.д. И. Д. Шевеленко указывала: «Обращение Цветаевой с чужими произведениями, будь то текст Эллиса, Чарской или Бальмонта, дает повод утверждать, что та черта ее поэтики, которую М. Мейкин определил как “поэтику присвоения” (poetics of appropriation), характеризует ее раннее творчество ничуть не меньше, чем более позднее. Материал ранней поэзии Цветаевой позволяет утверждать, что “присвоение”, адаптация различных элементов чужого текста – это скорее следствие творческого склада, творческой реактивности Цветаевой, нежели ее литературная установка. Цветаевой необходимо чужое произведение – как носитель темы, сюжета, мотива, идеи, а иногда и метра, – потому что собственный текст она мыслит всегда как *ответ* (Не случайно утверждение, что искусство – это не вопрос, а ответ, – одна из любимейших мыслей зрелой Цветаевой)» [10. С. 47]. Адресатов стихотворений М. И. Цветаевой на любовные темы определить очень сложно: «Цветаева не указывает, кому адресованы ее романтические стихи, и

практически невозможно определить, когда страсть, описанная ею, основана на реальных фактах, а когда вымышлена» [7. С. 125].

Рассматриваемый концепт в поэтическом мире М. И. Цветаевой реализуется уже на уровне названий стихотворений: существуют стихи-обращения к конкретному адресату (адресатам) («Литературным прокурорам» [8. С. 31], «Але («Ты будешь невинной, тонкой...»)» [8. С. 38–39], «Бабушке» [8. С. 39–40], «Маяковскому («Превыше крестов и труб...»)» [8. С. 165], «Луна – лунатику» [8. С. 235] и др.); стихи, в первой строке которых содержится: а) обращение к неопределенным (или неназванным) адресатам («Вы, идущие мимо меня...» [8. С. 33], «Что́ другим не нужно – несите мне!...» [8. С. 109–110] и др.), б) ответы определенным (или поименованным) субъектам («Так, господи! И мой обол...» [8. С. 75], «Нет, с тобой, дружочек чүдный...» [8. С. 113] и др.). В названиях стихотворений могут использоваться глаголы речи (*говорить, кричать, рассказать, сказать, высказать* и др.) («Говорила мне бабка лютая...» [8. С. 57–58], «На базаре кричал народ...» [8. С. 83], «Я расскажу тебе – про великий обман...» [8. С. 104], «Умирая, не скажу: *была*» [8. С. 104], «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...» [8. С. 215–216] и др.), форма глагола *сказать* («Сказавший всем страстям: прости...» [8. С. 127]), слова из семантического поля ‘речь’ (*слово, голос, речь, диалог, разговор, скороговорка* и др.) («Без зова, без слова...» [8. С. 73–74], «В черном небе – слова начертаны...» [8. С. 102], «– О, всеми голосами раковин...» [8. С. 222–223], «Поэт – издалика заводит речь» [8. С. 223–224], «Диалог Гамлета с совестью» [8. С. 232], «Разговор с Гением» [8. С. 273–274], «Скороговоркой – ручья водой...» [8. С. 320] и др.); обращения («Кавалер дэ Гриз! Напрасно...» [8. С. 100–101], «На тебе, ласковый мой, лохмотья...» [8. С. 102] и др.), вопросы («Люблю ли вас?...» [8. С. 121–122], «Что, Муза моя? Жива ли еще?...» [8. С. 268] и др.), восклицания («Да, вздохов обо мне – край непочатый!...» [8. С. 127–128], «Тише, хвала!...» [8. С. 272–273] и др.) и др.

Поэтический мир М. И. Цветаевой наполнен голосами общающихся субъектов, а также звуками музыки: «*Всего хочу: с душой цыгана // Идти под песни на разбой, // За всех страдать под звук органа // И амазонкой мчатся в бой...*» [8. С. 27], «*Где сонмы ангелов летают стройно, // Где арфы, лилии и детский хор, // Где всё покой, я буду беспокояно // Ловить твой взор*» [8. С. 28], «*В*

круженье вальса, под нежный вздох // Забыть не могу тоски я» [8. С. 29] и др. Особое место занимает в этом «возможном мире» колокольный звон: *«Колокола звонят в тени, // Спешат удары за ударом, // И всё поют о добром, старом, // О детском времени они»* [8. С. 29], *«Червонные возблещут купола, // Бессонные вздремлют колокола...»* [8. С. 53] и др. Музыка – это фон различных событий и процессов в «возможном мире» М. И. Цветаевой, в том числе и общения; музыкальность создается и многочисленными формальными средствами в языке ее поэзии.

Концепт «общение» в поэзии М. И. Цветаевой включает в себя следующие составляющие: лирическая героиня поэтессы и другие субъекты; какие-либо субъекты, являющиеся адресатом и адресантом (исключая лирическую героиню поэтессы). Процесс общения проходит следующим образом: 1) общение с людьми: а) с близкими лирической героине людьми («– *Уж поздно! – Мама, десять строк!.. – // Но, к счастью, мама забывала*» [8. С. 25], *«Если бы вы захотели // Быть моим учеником, // Я бы стала в тот же миг // – Слышите, мой ученик? – // В золоте и серебре // Саламандра и Ундина»* [8. С. 34] (стихотворение «...обращено к Ф. С. Фельдштейну (ок. 1885–1948), впоследствии – мужу В. Я. Эфрон, сестры С. Я. Эфрона» [5. С. 465]), *«Юная бабушка! – Кто целовал // Ваши надменные губы?»* [8. С. 39], *«Милый друг, ушедший дальше, чем за море! // – Вот вам розы, – протянитесь на них! – // Милый друг, унесший самое, самое // Дорогое из сокровищ земных!»* [8. С. 42] (стихотворение посвящено «...памяти П. Я. Эфрона...» [5. С. 467], брата С. Я. Эфрона, умершего в 1914 г.), *«Спят трещотки и псы соседовы, – // Ни повозок, ни голосов. // О, возлюбленный, не выведывай, // Для чего развожу засов»* [8. С. 43], «– *Мой хладнокровный, мой неистовый // Вольноотпущенник – прости!»* [8. С. 48] (стихотворение обращено «...к поэту О. Э. Мандельштаму (1891–1938), который в это время приезжал в Москву» [5. С. 467]), *«Мой выкормыш! лебеденок! // Хорошо ли тебе лететь?»* [8. С. 49], *«Знай одно: что завтра будешь старой, // Остальное, деточка, – забудь»* [8. С. 95] (стихотворение «Але» адресовано дочери М. И. Цветаевой Ариадне) и др.); б) общение с людьми, охарактеризованными в соответствии с их социальной ролью или исполняемой функцией («– *Склоните колена! – Что вам, // Аббат, до моих колен?!»* [8. С. 96], *«Без молодых // Гуляйте, сваты!»* [8. С. 96], «–

Где, купец, твое роскошество? // “Во дырявом во лукошечке!”» [8. С. 103], «Пешеход морщинистый, // Не любуйся парусом!» [8. С. 107] и др.); в) общение с неопределенным или любимым собеседником (собеседниками) («Прохожий, остановись!» [8. С. 32], «Еще и еще – песни // Слагайте о моем кресте! // Еще и еще – перстни // Целуйте на моей руке!» [8. С. 49], «На ваши поцелуи, о живые, // Я ничего не возражу – впервые» [8. С. 54], «– Провожай же меня, весь московский // сброд, // Юродивый, воровской, хлыстовский!» [8. С. 56] и др.); 2) общение с Богом («– Бог, не суди! – Ты не был // Женщиной на земле!» [8. С. 44], «Два солнца стынут, – о господи, пощади! – // Одно – на небе, другое – в моей груди» [8. С. 45], «Так, господи! И мой обол // Примь на утвержденье храма» [8. С. 75], «– Храни ее, господи, // Такую далекую!» [8. С. 170] и др.); 3) общение с гением поэзии («А за плечом – товарищ мой крылатый // Опять шепнет: – Терпение, сестра! – // Когда сверкнут серебряные латы // Сосновой кровью моего костра» [8. С. 100] – в стихотворении говорится о Жанне д’Арк, «... над которой тоже парил и властвовал ее гений, вдохновляющий на бессмертный подвиг...» [6. С. 235]); 4) общение с абстрактными понятиями («Легкомыслие! – Милый грех, // Милый спутник и враг мой милый! // Ты в глаза мне вбрызнул смех, // Ты мазурку мне вбрызнул в жилы» [8. С. 41], «Жарко целуй, любовь!» [8. С. 54] и др.); 5) общение с объектами природы и представителями животного мира («Моя земля, прости навеки, // На все века!» [8. С. 37], [голуби, лебеди, орлята] «Летите – куда глаза глядят // В Благовещенье, праздник мой!» [8. С. 51], «Было дружбой, стало службой, // Бог с тобою, брат мой волк! // Подыхает наша дружба. // Я тебе не дар, а долг!» [8. С. 138], «Любезного Всадника, // Конь, блюди!» [8. С. 156] и др.); 6) общение с тем, что сделано руками человека ([книги в красном переплете] «Из рая детского житья // Вы мне привет прощальный шлете, // Неизменившие друзья // В потертом, красном переплете» [8. С. 24], «О, летящие в ночь поезда, // Уносящие сон на вокзале...» [8. С. 33], «Спрошу я стул, спрошу кровать: // “За что, за что терплю и бедствую?” // “Отцеловал – колесовать: // Другую целовать”, – отвечают» [8. С. 135], «Так плыли: голова и лира, // Вниз, в отступающую даль. // И лира уверяла: – мира! // А губы повторяли: – жаль!» [8. С. 170] и др.); 7) общение с известными людьми («Что вам, молодой Державин, // Мой невоспитанный стих!» [8.

С. 47], «Руки – скрещены, // Рот – нем. // Брови сдвинув – Наполеон! – // Ты созерцаешь – Кремль» [8. С. 51], «Царю Петру и вам, о царь, хвала! // Но выше вас, цари: колокола. // Пока они гремят из синевы – // Неоспоримо первенство Москвы» [8. С. 55] и др.) и др.

В семантико-грамматическом плане обращения различных субъектов друг к другу можно охарактеризовать как: 1) императив («– Спи, успокоена, // Спи, удостоена, // Спи, увенчана, // Женщина» [8. С. 60], «Голосу дай мне воспеть тебя, о праmaterь // Песен, в чьей длани узда четырех ветров» [8. С. 63], «Бог, внимательней // За ним присматривай: // Царский сын – гадательней // Остальных сынов» [8. С. 81] и др.); 2) сообщение о каком-либо действии лирической героини, выраженное в форме простых («– Я в грудь тебя целую, // Московская земля!» [8. С. 57], «И, под медленным снегом стоя, // Опущусь на колени в снег // И во имя твое святое // Поцелую вечерний снег...» [8. С. 68] и др.) и сложных предложений («Скажу тебе, что я – не человек, // А только сон, который только снится» [8. С. 87], «Пригвождена к позорному столбу, // Я все ж скажу, что я тебя люблю» [8. С. 129] и др.); 3) описание предсказаний бабки («Говорила мне бабка лютая, // Коромыслом от злости гнущая; // – Не дремать тебе в люльке дитятка, // Не белить тебе пряжи вытканной, – // Царевать тебе – под заборами! // Целовать тебе, внучка, – ворона» [8. С. 57]); 4) выражение эмоций и чувств («Ах, ночь! // Где-то бегут ключи, // Ко сну – клонит. // Сплю почти. // Где-то в ночи // Человек тонет» [8. С. 61], «Бессонница меня толкнула в путь. // – О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль // мой! – // Сегодня ночью я целую в грудь – // Всю круглую воющую землю!» [8. С. 63] и др.) и др.

В стихотворениях М.И. Цветаевой встречаются следующие обращения: 1) по имени («На заре морозной // Под шестой березой, // За углом у церкви, // Ждите, Дон-Жуан!» [8. С. 91] и др.); 2) по фамилии («– И я дарю тебе свой колокольный град, // Ахматова! – и сердце свое в придачу» [8. С. 79] и др.); 3) по названию исполняемой кем-либо функции («Уж и нрав у меня спокойный! // Уж и очи мои ясны! // Отпусти-ка меня, конвойный, // Прогуляться до той сосны!» [8. С. 82] и др.); 4) по названию природного объекта («Ты, зеленоводный лесной ручей, // Расскажи, как сегодня ночью // Я взглянула в тебя – и чей // Лик узрела в тебе воочью» [8. С. 83] и др.); 5) в форме единичной номинации адресата (пря-

мой – «Последняя рифма моя – и ты, // Последняя моя ночь!» [8. С. 44] и др.; метафорической – «Красно́ твоё наследие, – владей, // Друг без друзей!» [8. С. 71], «– Так, о престол моего покоя, // Пеннорожденная, пеной сгинь!» [8. С. 167] и др.) и др.; б) в форме двойной (и имеющей больше компонентов) номинации адресата (прямой – [Офелия – Гамлету] «Девственник! Женоненавистник! Вздорную // Нежить предпочедший!..» [8. С. 211] и др.; прямой и метафорической – «Бессонница! Друг мой! // Опять твою руку // С протянутым кубком // Встречаю в беззвучно- // Звенящей ночи» [8. С. 65] и др.; метафорической – [А. А. Ахматовой] «О муза плача, прекраснейшая из муз! // О ты, шальное исчадие ночи белой! // Ты черную насылаешь метель на Русь, // И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы» [8. С. 79] и др.; метонимической – [А. А. Ахматовой] «Еще один огромный взмах – // И спят ресницы. // О, тело милое! О, прах // Легчайшей птицы!» [8. С. 80] и др.) и др. Общение в ее поэтическом мире может происходить не только при помощи речи, но и при помощи: 1) крика («На крик его: душно! припавшая: друг! // Последнейшая, не пускавшая рук» [8. С. 76] и др.); 2) вопля («Я глупая, а ты умея, // Живой, а я остолбенелая. // О вопль женщин всех времен: // “Мой милый, что тебе я сделала?”» [8. С. 134] и др.); 3) пения ([снежный лебедь] «Он поет мне // За синими окнами, // Он поет мне // Бубенцами далекими...» [8. С. 67] и др.); 4) пения и музыки («А справишься? Сталь и базальт – // Гора, но лавиной в лазурь // На твой серафический альт // Вспоет – полногласием бурь» [8. С. 206], «На оклик гортанный певца // Органною бурей мишу!» [8. С. 207] и др.); 5) действий, напоминающих религиозный обряд ([А. А. Блоку] «И по имени не окликну, // И руками не потянусь. // Восковому, святому лику // Только издали поклонюсь» [8. С. 68] и др.); 6) действий, характерных лишь для идиостиля М. И. Цветаевой ([А.А. Блоку] «Всей бессонницей я тебя люблю, // Всей бессонницей я тебя внемлю – // О ту пору, как по всему Кремлю // Просыпаются звонари» [8. С. 69] и др.) и др.

В исследуемых поэтических текстах процесс общения выражается при помощи: 1) ассонансов («Уж с домами дома расходятся, // И на площади спор и пляс... // Здесь, у маленькой Богородицы, // Вся Кордова в любви клялась» [8. С. 43] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 2) аллитераций («Мальчи́ком, бегу́щим ре́звo, // Я предста́ла Ва́м. // Вы́ посмеива́лись трезвo //

Злым моим словам...» [8. С. 33] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 3) метафор («*Так, сердце, плачь и славословь! // Пусть вопль твой – тысяча который? – // Ревнует смертная любовь. // Другая – радуется хору»* [8. С. 75] и др.); 4) метонимий («*Чей-то пьяный голос молил и злился // У соборных стен»* [8. С. 93] и др.); 5) повторов («*Горечь! Горечь! Вечный прикус // На губах твоих, о страсть!»* [8. С. 94] и др.); 6) анафор («*Я тебе повелеваю: – будь! // Я – не выйду из повиненья»* [8. С. 104], «*Молодость моя! Моя чужая // Молодость! Мой сапожок непарный!»* [8. С. 168] и др.); 7) акромонаграммы – повтора слова в конце предыдущего и в начале следующего предложений («... *Сладчайший плод, // Душа, горчи. // Горчи и омрачай; // Расти: верши»* [8. С. 240]); 8) сравнений («*Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая // Свет – люблю тебя, зоркая ночь»* [8. С. 63], «*Тяжко – как спелый плод – // Падает: – Сыне!..»* [8. С. 144] и др.) и др.

Описывая общение в своих стихотворениях, М.И. Цветаева употребляет: 1) языковые антонимы («*Отчего я не плачу? // Оттого что смеюсь!»* [8. С. 132], «*Нет, некоторое из двух: // Кость слишком – кость, дух слишком – дух. // Где – ты? где – тот? где – сам? где – весь? // Там – слишком там, здесь – слишком здесь»* [8. С. 310] и др.); 2) контекстуальные антонимы («*Не возьмешь моего румянца – // Сильного – как разливы рек! // Ты охотник, но я не дамся, // Ты погоня, но я емь бег»* [8. С. 264] и др.); 3) имена существительные с суффиксами субъективной оценки («*Нет, дружочек! – Это проще, // Это пуще, чем досада...»* [8. С. 114], «*Ясновельможная панна! // – Мой молодой господарчик!»* [8. С. 148] и др.); 4) имена прилагательные в форме превосходной степени сравнения («*Над сказочнейшим из сиротств // Вы смилостивились, казармы!»* [8. С. 187] и др.); 5) обращения («*С хлебом ем, с водой глотаю // Горечь-горе, горечь-грусть. // Есть одна трава такая // На лугах твоих, о Русь»* [8. С. 94] и др.); 6) однородные члены предложения («*Левая – она дерзка, // Лъстивая, лукавая. // Вот тебе моя рука – // Праведная, правая!»* [8. С. 111], «*Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе // Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь. // О милая! Ни в гробовом сугробе, // Ни в облачном с тобою не прощусь»* [8. С. 139] и др.); 7) обособленные члены предложения («*Та, с судороги целовавшая пот, // На крик его: руку! сказавшая: вот!»* [8. С. 77], «*Руки воздев, // Друг, закливаю свою же память!»* [8. С. 181] и др.); 8)

вставные конструкции («Некою тканью под ноги // Стелюсь... Не тот ли (та!) // Твари с кудрями огненными // Молвивший: встань, сестра!» [8. С. 247], «Водопадами занавеса, как пеной – // Хвоей – пламенем – прощуя. // Нету тайны у занавеса – от сцены: // (Сцена – ты, занавес – я.)» [8. С. 235] и др.); 9) восклицательные предложения («О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты // Закон звезды и формула цветка» [8. С. 108], «– Друг! Не ищи меня! Другая мода! // Меня не помнят даже старики. // – Тот не достать! Через Летейские воды // Протягиваю две руки» [8. С. 117] и др.); 10) вопросительные предложения («– Сивилла! Зачем моему // Ребенку – такая судьбина? // Ведь русская доля – ему... // И век ей: Россия, рябина...» [8. С. 109], «Люблю ли вас? // Задумалась. // Глаза большие сделались» [8. С. 121] и др.) и др.

В своих стихотворениях поэтесса передает: 1) слова лирической героини («Идите же! – мой голос нем, // И тщетны все слова. // Я знаю, что ни перед кем // Не буду я права» [8. С. 35] и др.); 2) слова других субъектов ([Эвридика – Орфею] «... Ибо в призрачном доме // Сем – призрак ты, суший, а явь – // Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме: // “Ты это забудь и оставь!”» [8. С. 222] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.), «Бедя моя! – Так будешь звать. // Так, лекарским ножом // Истерзанные, – дети – мать // Корят: “Зачем живем?”» [8. С. 240–241], «Мир – это стены. // Выход – топор. // (“Мир – это сцена”, – // Лепечет актер.)» [8. С. 266] и др.); 3) слова других субъектов и лирической героини одновременно («– Ты меня любишь, Марина? // – Очень! // – Навсегда? // – Да» [8. С. 52], «В удаль, в одурь, в гармошку, в насад, в тщету! // – Эти нехристи и льнут же! – // Чтоб какой-нибудь странник: “**На тем свету...**” // Не дождавшись, скажу: лучше!..» [8. С. 253] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.), «Глыбами – лбу // Лавры похвал. // “Петь не могу!” // – “Будешь!”...» [8. С. 273] и др.) и др.

В данной работе рассматриваются поэмы М. И. Цветаевой «Переулочки» [8. С. 338–348], «Поэма горы» [8. С. 349–355], «Поэма конца» [8. С. 355–377], «Поэма лестницы» [8. С. 377–390], «Сибирь» [8. С. 390–395], «Автобус» [8. С. 395–400].

В названных поэмах для характеристики общения используются: 1) ассонансы («В кузне – славу куют, // К уста́м – чару несут, //

Другу – славу поют // В ла – зорь» [8. С. 346] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 2) аллитерации («Но как улыбалась нам, // Рядком усадив, // Бывалой и жалостной, – // Любовниц седых // Улыбкою бережной: // Увянешь! Живи!» [8. С. 370] (полужирный шрифт, обычный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 3) метафоры («Как бы титана лапами // Кустарников и хвой, // Гора хватала за полы, // Приказывала: – стой!» [8. С. 350] и др.); 4) анафоры («Прощай, домоводство! // Прощай, борода! // Прощай, воеводство! // Петрова гнезда...» [8. С. 392] и др.); 5) повторы («Ай, льны льняны, // Царицыны льны!» [8. С. 344] и др.) и др. Объективируя процесс общения, М.И. Цветаева употребляет: 1) эмоционально-окрашенные благодаря наличию словообразовательных элементов имена существительные («Смекай, мол, детинушка, // Своя здесь святынюшка» [8. С. 339] и др.); 2) имена прилагательные в форме превосходной степени сравнения (иногда с добавочными словообразовательными элементами) («Сверхбесмысленнейшее слово: // Рас – стаемся. – Одна из ста? // Просто слово в четыре слога, // За которыми пустота» [8. С. 371] и др.); 3) обращения («Жги, ямищчок, // В темь!» [8. С. 343] и др.); 4) однородные члены предложения («Отошла январским оловом // Жизнь с ее обидами. // Господи, как было молодо, // Зелено, невиданно!» [8. С. 396] и др.); 5) обособленные члены предложения («И, утеревши щеки, // Колодцу: – Знаю, друг, // Что **сильные** потоки – // **Сверх рта и мимо** рук // Идут!..» [8. С. 399] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.) и др.); 6) вопросительные предложения («Что ж вы, гости имениты, // Мало по – былиц?» [8. С. 344] и др.); 7) восклицательные предложения («Заблудшего баловня // Вопль: домой! // Дитя годовалое: // “Дай” и “мой”!» [8. С. 357] и др.) и др. В тексте указанных поэм наблюдается тенденция к использованию эллиптических предложений («Мысленно: милый, милый. // – Час? – Седьмой. // В кинематограф, или?... – // Взрыв: – Домой!» [8. С. 357] и др.), вставных конструкций («Дом, это значит: из дому // В ночь. // (О, кому повем // Печаль мою, беду мою, // Жуть, зеленее льда?..) // – Вы слишком много думали. – // Задумчивое: – Да» [8. С. 358] и др.). М. И. Цветаева передает: 1) слова лирической героини: «– Помилуйте, **это** – дом? // – Дом – в сердце моем. – Словесность!» [8. С. 360] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточни-

ке, наш – Е.М.) и др.); 2) слова других субъектов («– Я этого не хотел» [8. С. 361], «“Как цветная капуста под соусом белым!” – // Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал» [8. С. 399] и др.) и др.

В сферу действия концепта «общение» вовлекаются практически все субъекты поэтического мира М. И. Цветаевой, следовательно, данный процесс осуществляется как в реальном, так и в метафорическом планах. Темы, связанные с рассмотренным концептом, многочисленны – это темы любви и разлуки, жизни и смерти, детства и взрослой жизни, природы и мира артефактов, поэта и поэзии, сна и бессонницы, радости и грусти, времени, истории и т.д. Поэзия М. И. Цветаевой обладает особой ритмикой и звукописью, она эмоционально насыщенная, что передается обилием знаков препинания, особым строением фраз и др. Поскольку сама поэтесса с детства увлекалась музыкой и глубоко понимала ее, она внесла элемент музыкальности и в свои произведения (в ее «возможном мире» имеются многочисленные музыкальные инструменты: рояль, орган, арфа, клавесин, рожок и др.; различные виды музыкальной деятельности: песни, танцы – вальс, мазурка и др.), сами поэтические строки обладают музыкальным звучанием. В. А. Маслова писала о М. И. Цветаевой: «С одной стороны, она была носителем особой интеллектуальной, космополитической культуры без границ, с которой она ведет постоянный диалог, будучи трехязычной по воспитанию. Но с другой, М. И. Цветаева – поэт прежде всего русской культуры с ее русской песенной стихией, эмоциональностью и душевной открытостью...» [4. С. 9]. *Песенная стихия* – звук, ритм и образ во взаимодействии создают особый цветаевский стих, в котором значения лексических и синтаксических единиц допускают неоднозначные толкования.

Поэзия М. И. Цветаевой может быть охарактеризована как песенная; значительное влияние на ее ритмику и фонетику оказала русская народная песня. Эти факторы, а также некоторые обстоятельства личной жизни поэтессы повлияли на то, что концепт «общение» воплотился в рассмотренных поэтических произведениях широко и многопланово.

Список литературы

1. Белкина, М. И. Скращение
судеб. М.: Книга, 1988. 464 с.

References

1. Belkina, M. I. Skreshhenie
sudeb. M.: Kniga, 1988. 464 s.

2. Бобров, А. А. Серебряный век Подмосковья. М.: Алгоритм, 2008. 320 с.
3. Маслова, В. А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
4. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
5. Саакянц, А. Комментарии // Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драм. произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц; Вступ. ст. Вс. Рождественского. Минск: Нар. асвета, 1988. С. 461–518.
6. Саакянц, А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.
7. Фейлер, Л. Марина Цветаева / пер. с англ. Ростов-на Дону: изд-во «Феникс», 1998. 416 с.
8. Цветаева, М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драм. произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц; Вступ. ст. Вс. Рождественского. Минск: Нар. асвета, 1988. 542 с.
9. Швейцер, В. А. Быт и Бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 544 с.
10. Шевеленко, И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность
2. Bobrov, A. A. Serebrjanyj vek Podmoskov'ja. M.: Algoritm, 2008. 320 s.
3. Maslova, V. A. Marina Cvetaeva: Nad vremenem i tjagoteniem. Minsk: Jekonompress, 2000. 224 s.
4. Maslova, V. A. Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj: uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004. 256 s.
5. Saakjanc, A. Kommentarii // Cvetaeva M. I. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy; Dram. proizvedenija / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakjanc; Vstup. st. Vs. Rozhdestvenskogo. Minsk: Nar. asveta, 1988. S. 461–518.
6. Saakjanc, A. A. Marina Cvetaeva. Zhizn' i tvorcestvo. M.: Jellis Lak, 1999. 816 s.
7. Fejler, L. Marina Cvetaeva / per. s angl. Rostov-na Donu: izdvo «Feniks», 1998. 416 s.
8. Cvetaeva, M. I. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy; Dram. proizvedenija / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakjanc; Vstup. st. Vs. Rozhdestvenskogo. Minsk: Nar. asveta, 1988. 542 s.
9. Shvejcer, V. A. Byt i Bytie Mariny Cvetaevoj. M.: Interprint, 1992. 544 s.
10. Shevelenko, I. D. Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora

- автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
11. Щербак, Н. Любовь поэтов Серебряного века. М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб; Владимир: ВКТ, 2012. 310 с.
- v kontekste jepohi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 464 s.
11. Shherbak, N. Ljubov' poetov Serebrjanogo veka. M.: Astrel'; SPb.: Astrel'-SPb; Vladimir: VKT, 2012. 310 s.

Репозиторий
Учреждение образования
"Белорусская государственная
академия музыки"